Кашепов В. П., Кошаева Т. О. Развитие уголовного законодательства // Научные концепции развития российского законодательства : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015.

Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право. СПб., 2003.

Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.

Кудрявцев В. Н., Келина С. Г. Классификация преступлений // Курс российского уголовного права. Общая часть. М., 2001.

Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы декриминализации // Журнал российского права. 2005. № 4.

Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология и проблемы криминализации // Журнал российского права. 2004. № 12.

Развитие уголовного законодательства Российской Федерации: учеб.-практ. пособие / отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2007.

Решняк М. Г. О некоторых вопросах современного уголовно-правового законотворчества // Российский следователь. 2014. № 3.

Рогова Е. В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21.

Старков О. В., Милюков С. Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001.

Статистика МВД России. Состояние преступности за январь — октябрь 2014 г., январь — сентябрь 2015 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Финансовый контроль должен обеспечить динамичное развитие общественного и частного производства: интервью с Е. Ю. Грачевой // Российское право. 2014. № 1.

Проблемы определения фактически отбытого срока лишения свободы при условно-досрочном освобождении

ДОЛОТОВ Руслан Олегович, доцент кафедры уголовного права и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук

101000, Россия, г. Москва, Мясницкая ул., 20

E-mail: rdolotov@hse.ru

Статья посвящена анализу практики условно-досрочного освобождения от отбытия наказания. Основная цель исследования заключается в ответе на вопрос о том, верно ли засчитывать время содержания под домашним арестом в шестимесячный срок лишения свободы, необходимый для возникновения права на условно-досрочное освобождение? В статье доказывается, что при решении вопроса о зачете времени домашнего ареста на практике исходят из следующего умозаключения: так как время нахождения лица под домашним арестом подлежит зачету в срок содержания под стражей, а срок содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы, то при расчете фактически отбытого осужденным срока лишения свободы для условно-досрочного освобождения время домашнего ареста необходимо включать в этот срок. Автором приводятся аргументы о том, что данное умозаключение является ошибочным, так как оно основывается на догматическом, а не системном толковании Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации без уяснения роли, которую играет установленный законодателем шестимесячный срок при условно-досрочном освобождении в системе мер уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, домашний арест, содержание под стражей, лишение свободы.

Real Served Term in Case of Parole: Problems of Determination

R. O. DOLOTOV, candidate of legal sciences, associate professor
The National Research University "Higher School of Economics"
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000
E-mail: rdolotov@hse.ru

The article is devoted to the practice of parole. The main goal of the study is to determine if it is properly to include a period of house arrest in six months term of imprisonment, necessary for the creation of the right to parole. The article proves that in practice they judge from the following conclusion: as the period of house arrest is included in the period of detention, and the detention period is included in the term of imprisonment, so when a real served term for parole is determined it is necessary to include in it the period of house arrest. The author explains that such conclusion is flawed since it is based on a dogmatic rather than systemic interpretation of the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation without understanding the role which plays set by the legislator six months term in case of parole in the system of criminal law measures.

Keywords: parole, house arrest, detention, imprisonment.

DOI: 10.12737/22198

Условно-досрочное освобождение является самым распространенным видом освобождения от отбывания наказания. Несмотря на наличие специального постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания», условно-досрочное освобождение от отбывания наказания все равно вызывает немало проблем и в теории, и на практике. В настоящей статье мы рассмотрим одну из таких ситуаций, до сих пор не получившую должную проработку в отечественной уголовно-правовой доктрине. Данную проблему можно представить в виде следующего вопроса: верно ли засчитывать время содержания под домашним арестом в шестимесячный срок лишения свободы, необходимый в силу ч. 4 ст. 79 УК РФ для возникновения права на условно-досрочное освобождение?

Так, согласно п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей засчитывается время домашнего ареста. В пункте 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ сказано, что в резолютивной части обвинительного приговора среди прочего должно быть указано решение о зачете времени предвари-

тельного содержания под стражей, если к подсудимому применялись меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста.

В Уголовном кодексе РФ содержится правило о том, что время содержания лица под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы из расчета один день за один день (ч. 3 ст. 72), а ч. 4 ст. 79 указывает, что фактически отбытый осужденным срок лишения свободы для возникновения формального основания для условно-досрочного освобождения не может быть менее шести месяцев.

Указанные положения могут привести к следующему умозаключению: так как время нахождения лица под домашним арестом подлежит зачету в срок содержания под стражей, а срок содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы, то при расчете фактически отбытого осужденным срока лишения свободы для условно-досрочного освобождения от наказания необходимо засчитывать время домашнего ареста в фактически отбытый срок лишения свободы. Это означает, что осужденный может пробыть в местах лишения свободы всего пару дней перед условно-досрочным освобождением от наказания.

Данное умозаключение представляется нам ошибочным, так как оно основывается на догматическом, а не на системном толковании УК и УПК РФ без уяснения роли, которую играет установленный законодателем шестимесячный срок при условно-досрочном освобождении в системе мер уголовно-правового воздействия.

Для обоснования своей позиции мы сперва проанализируем сложившуюся правоприменительную практику и мнения ученых по этой проблеме, а затем на основе полученных результатов приведем аргументы в защиту своей позиции.

Итак, вопрос об учете меры пресечения при условно-досрочном освобождении поднимался еще в дореволюционном уголовном законодательстве. Статья 1 Закона об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан, 1909 г. гласила, что условное досрочное освобождение могло применяться к лицу, приговоренному к заключению в тюрьме, исправительном арестантском отделении или исправительном доме (на срок не менее восьми месяцев), по отбытии им 3/4 назначенного судом срока наказания, но не менее шести месяцев, *без зачета в этот срок времени содержания под стражей*.

В первые годы действия УК РФ 1996 г. тезис о том, что время, проведенное осужденным в рамках меры пресечения, не должно учитываться при расчете фактически отбытого срока наказания при условно-досрочном освобождении, также получил довольно широкое распространение среди ученых и практиков. Например, А. Кропачев писал: «До вступления приговора в законную силу нельзя вести речь об отбытии назначенного судом срока наказания, так как лицо по закону осужденным в полном смысле слова не является... фактическое отбытие осужденным назначенного судом срока наказания — это период срока наказания после вступления

приговора в законную силу, отбытый осужденным в порядке, установленном Уголовно-исполнительным кодексом РФ»¹.

Ряд авторов выступают за закрепление в законодательстве такого положения, согласно которому осужденный может подлежать условно-досрочному освобождению только в случае отбытия им шестимесячного срока именно в исправительном учреждении, т. е. срок должен исчисляться с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение, ибо для того, чтобы изучить осужденного и сделать вывод о его исправлении, необходимо определенное время².

В. В. Степанов доказывает, что минимальный фактический срок, дающий право на условно-досрочное освобождение, должен исчисляться с момента прибытия осужденного в исправительное учреждение, и указывает, что среди опрошенных им практических работников 62,1% (из 230 сотрудников воспитательной и оперативно-режимной службы уголовно-исполнительной системы Тамбовской области) отметили, что в срок, указанный в ч. 4 ст. 79 УК РФ, должно входить только время реального отбывания наказания в исправительной колонии³.

Однако правоприменительная практика показывает, что у большинства осужденных, прибывающих в исправительные колонии, срок лишения свободы исчисляется с момента избрания мерой пресече-

¹ Кропачев А. Когда возникает право осужденного на условно-досрочное освобождение // Законность. 2003. № 9. С. 23.

² См.: Василенко-Захарова О. В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 136.

³ См.: Степанов В. В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: на примере Тамбовской области: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 131.

ния содержание под стражей, вследствие чего у них (особенно в колонии-поселении и колонии общего режима) фактический минимум, дающий право на условно-досрочное освобождение, наступает через два-три месяца после прибытия в исправительную колонию⁴.

Подобная ситуация на практике связана с позициями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Так, в п. 3 постановления КС РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П отмечено: «По смыслу положений статьи 130 УИК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями статьи 72 УК Российской Федерации, время содержания под стражей в качестве меры пресечения во всяком случае подлежит зачету при определении общего срока назначенного судом наказания, а также при исчислении срока отбытого наказания, позволяющего применить условно-досрочное освобождение от наказания. Такой подход корреспондирует международным стандартам, согласно которым предварительное заключение не должно применяться, если предполагаемому правонарушению не соответствует наказание в виде лишения свободы, а при вынесении приговора срок, проведенный в предварительном заключении, следует или засчитывать в установленный приговором срок наказания, или принимать во внимание с целью сокращения срока наказания».

Уже в 2009 г. Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 21 апреля 2009 г. № 8 указал, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только к тем осужденным, которые, по признанию суда, для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания и отбыли предусмотренную законом его часть с учетом времени содержания под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу.

В теории также высказываются доводы в пользу такого подхода. В частности, О. В. Василенко-Захарова пишет, что было бы несправедливо не засчитывать срок, проведенный в качестве заключенного под стражу во время следствия, а также во время конвоирования, как минимальный срок для предоставления условно-досрочного освобождения. Это, по ее мнению, будет способствовать профилактике нарушений в следственном изоляторе⁵.

Таким образом, зачет времени содержания под стражей при расчете фактически отбытого срока лишения свободы для решения вопроса об условно-досрочном освобождении — это устоявшаяся практика, основывающаяся на позициях высших судебных органов страны и поддерживаемая частью ученых в области уголовного права.

Однако содержание под стражей не единственная мера пресечения в российском законодательстве. Не так уж редки случаи избрания судом домашнего ареста в качестве меры пресечения. И здесь возникает резонный вопрос: нужно ли засчитывать время домашнего ареста в фактически отбытый срок наказания для целей ст. 79 УК РФ?

Если придерживаться правил формальной логики, то тогда путем построения дедуктивного умозаключения мы должны дать положительный ответ по следующей схеме: если срок содержания под стражей засчитывается в фактически отбытый срок лишения свободы, а время домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей, значит, время домашнего ареста засчитывается в фактически отбытый срок лишения свободы.

Данный вывод основывается на буквально-формальном толковании норм УК и УПК РФ. Несмотря на то что в ст. 72 УК РФ ничего не говорится о замене части наказания домаш-

⁴ См.: Степанов В. В. Указ. соч. С. 132.

⁵ См.: Василенко-Захарова О. В. Указ. соч. С. 136.

ним арестом, а предусмотрен расчет срока наказания с учетом только содержания под стражей, правоприменительная практика все же придерживается именно той логики, которую мы продемонстрировали в вышеуказанном умозаключении.

Необходимо отметить, что в формах сводной статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции, публикуемых на официальном сайте Судебного департамента при ВС РФ⁶, не содержится граф, позволяющих отследить случаи зачета срока домашнего ареста при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Проведенный нами анализ утвержденных Президиумом ВС РФ обзоров практики рассмотрения областными и равными им судами уголовных дел, опубликованных на сайте Верховного Суда РФ с 2000 по 2015 г.⁷, также не позволил выявить каких-либо обобщений по вопросу условно-досрочного освобождения, где речь шла бы о зачете времени домашнего ареста. В связи с этим сложно сказать, насколько распространена подобная практика, однако отсутствие статистических данных не означает отсутствие самих случаев. Проиллюстрируем это примером из конкретного уголовного дела.

1 апреля 2011 г. приговором Ленинского районного суда ЕАО М. был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 69 УК РФ к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении. Согласно приговору срок наказания исчислен со дня фактического прибытия в колонию-поселение. Также по приговору зачтено время нахождения под стражей с 13 по 14 августа 2010 г., под домашним арестом —

с 14 августа 2010 г. и до дня прибытия в колонию-поселение. Осужденный прибыл в колонию 20 апреля 2011 г. Окончание срока установлено колонией-поселением 13 августа 2012 г. Отбывая наказание, 26 августа 2011 г. осужденный обратился в Биробиджанский районный суд ЕАО с ходатайством об условно-досрочном освобождении, мотивировав отбытием 1/2 части срока наказания. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд указал, что время нахождения осужденного на домашнем аресте в качестве меры пресечения не входит в шестимесячный срок.

В кассационной жалобе осужденный М., не соглашаясь с постановлением судьи, просит его пересмотреть. Полагает, что в срок, необходимый для подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении, должно засчитываться время, проведенное им под домашним арестом.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия находит их обоснованными, судебное решение — подлежащим отмене в связи с неправильным применением норм уголовного закона. Единственной причиной отказа в удовлетворении ходатайства суд указал, что осужденный М. не отбыл установленного ч. 4 ст. 79 УК РФ шестимесячного срока. Вместе с тем при рассмотрении ходатайства осужденного судом не были учтены следующие положения уголовного закона. Так, согласно ч. 3 ст. 72 УК РФ время содержания под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы. Из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 также следует, что время содержания лица под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу засчитывается в срок фактического отбытия им лишения свободы. В силу ч. 10 ст. 109 УПК РФ время домашнего ареста засчитывается в срок содержания под стражей⁸.

⁶ См.: Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 13.02.2016).

⁷ См.: Документы Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 13.02.2016).

⁸ См. кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам суда Еврейской автономной области от 8 ноября 2011 г. по делу № 22-791/11.

Безусловно, наиболее резонансным делом последних лет, связанным с зачетом времени домашнего ареста в срок фактического отбытого судом наказания, является решение Судогодского районного суда Владимирской области от 25 августа 2015 г. об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания Е. Н. Васильевой — бывшего начальника департамента имущества обороны Российской Федерации⁹. Данное решение, формально законное, вызвало массовое недовольство в обществе, так как было воспринято им как несправедливое¹⁰.

Зачет времени домашнего ареста (в отличие от срока содержания под стражей) в фактически отбытый срок лишения свободы является ошибкой. Однако сразу же возникает вопрос: почему время содержания под стражей следует засчитывать в этот срок, а время домашнего ареста нет. Ответ, на наш взгляд, кроется в сущности уголовно-правового воздействия, которое оказывают меры принудительной изоляции от общества.

По своей природе все эти меры в науке обоснованно предлагают делить на две группы: меры в рамках комплексных (интегрированных) административно-правовых и уголовно-правовых институтов — «пенитенциарного права» или «права лишения свободы». В связи с этим из всей совокупности мер принудительной изоляции от общества выделяются так называемые пенитенциарные меры. Критериями их выде-

ления ученые называют не столько саму принудительную изоляцию, сколько схожие с лишением свободы порядок исполнения и условия отбывания; их уголовно-правовую или уголовно-процессуальную природу; направленность, выражающуюся в прямо предусмотренной законом юридической связи с лишением свободы; уголовно-процессуальный порядок применения (изменения и отмены); порядок исполнения органами или учреждениями ФСИН России. С учетом названных критериев О. В. Воронин из состава пенитенциарных мер справедливо исключает все виды административно-правовой и смешанной административно-правовой и уголовно-правовой изоляции от общества, а также домашний арест как меру пресечения¹¹. Условия и порядок исполнения (отбывания) принудительной изоляции являются основным критерием отнесения той или иной меры к числу пенитенциарных (при домашнем аресте отсутствуют такие важные признаки, как водворение в специальные условия и отбывание этой меры совместно с иными лицами)¹².

Разделяя позицию О. В. Воронина, мы приходим к выводу, что по своей природе лишение свободы и содержание лица под стражей с точки зрения уголовно-правового воздействия практически идентичны, а вот домашний арест существенно от них отличается. Поэтому время домашнего ареста нельзя засчитывать в фактически отбытый срок лишения свободы при условно-досрочном освобождении.

Кроме того, в ст. 107 УПК РФ четко сказано, что суд с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого и фактических обстоятельствах при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения

⁹ См.: Судебное делопроизводство. Судогодский районный суд Владимирской области. URL: https://sudogodsky-wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=52630180&delo_id=1610001 (дата обращения: 13.02.2016).

¹⁰ См.: Законность УДО Васильевой проверяет Генпрокуратура. URL: <http://rusplt.ru/society/zakonnost-udo-vasilevoy-proveryatv-genprokurature-18516.html> (дата обращения: 13.02.2016).

¹¹ См.: Воронин О. В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2. С. 68—69.

¹² Там же. С. 69.

может ему запретить и (или) ограничить: 1) выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает; 2) общение с определенными лицами; 3) отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; 4) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств подозреваемый или обвиняемый может быть подвергнут судом всем запретам и (или) ограничениям, перечисленным выше, либо некоторым из них. Это означает, что суд при избрании домашнего ареста может не запретить выход за пределы жилого помещения, в котором проживает лицо, находящееся под следствием.

Зачет времени домашнего ареста в фактически отбытый срок лишения свободы при условно-досрочном освобождении как минимум без учета примененных при этом ограничений не согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ), поскольку ставит в неравное положение лиц, содержащихся под стражей, и лиц, находившихся под домашним арестом с правом покидать жилище.

Возвращаясь к вопросу об уголовно-правовом воздействии, которое оказывает условно-досрочное освобождение от отбытия наказания, следует сказать, что само понятие «уголовно-правовое воздействие» вызывает немало споров среди теоретиков. Одну из наиболее обо-

снованных дефиниций предложил В. К. Дуюнов: «...целенаправленное карательно-воспитательно-превентивное воздействие на лиц, совершивших преступление, и превентивное воздействие на так называемых неустойчивых граждан в целях утверждения социальной справедливости, укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, а также воспитания их в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и других законов»¹³.

Таким образом, утверждение социальной справедливости выступает одной из главных целей уголовно-правового воздействия. Условно-досрочное освобождение как одна из специальных мер уголовно-правового воздействия также должно способствовать достижению этой цели. Зачет же времени домашнего ареста в срок фактически отбытого срока лишения свободы при условно-досрочном освобождении не согласуется с указанной целью из-за колоссальной разницы в сущности этих мер изоляции от общества.

Для решения указанной проблемы нами предлагается внести дополнение в постановление Пленума ВС РФ от 21 апреля 2009 г. № 8, указав в нем, что время домашнего ареста не должно учитываться при расчете фактически отбытого срока при условно-досрочном освобождении.

¹³ Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. С. 36.

Библиографический список

- Василенко-Захарова О. В. Формальные основания применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5.
- Воронин О. В. О некоторых видах принудительной изоляции от общества, известных российскому законодательству // Уголовная юстиция. 2013. № 2.
- Документы Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/second.php> (дата обращения: 13.02.2016).
- Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001.
- Законность УДО Васильевой проверяют в Генпрокуратуре. URL: <http://rusplt.ru/society/zakonnost-udo-vasilevoy-proveryat-v-genprokurature-18516.html> (дата обращения: 13.02.2016).

Кропачев А. Когда возникает право осужденного на условно-досрочное освобождение // Законность. 2003. № 9.

Степанов В. В. Проблемы теории и практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: на примере Тамбовской области: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 13.02.2016).

Судебное делопроизводство. Судогодский районный суд Владимирской области. URL: https://sudogodsky--wld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=52630180&delo_id=1610001 (дата обращения: 13.02.2016).

Индивидуализация наказания с учетом характера и степени общественной опасности*

ВОРОНИН Вячеслав Николаевич, преподаватель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: voronin@zakon.ru

В числе общих критериев индивидуализации наказания ч. 3 ст. 60 УК РФ предписывает учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления по каждому уголовному делу. Целью настоящей работы является анализ практики применения данного положения закона, а также конструирование разъяснений по вопросам учета общественной опасности, которые будут полезны судебным органам, для чего предполагается решение следующих задач: анализ догматических представлений по вопросам учета характера и степени общественной опасности; поиск факторов, учитываемых судами при установлении общественной опасности в судебной практике; анализ данных опроса судей из различных регионов страны. В результате сделан вывод о том, что характер общественной опасности зависит от объекта посягательства и не может оказывать влияние при индивидуализации наказания, поскольку он учтен законодателем при конструировании соответствующей статьи Особенной части УК РФ и поэтому подлежит исключению из его ч. 3 ст. 60. Степень общественной опасности при индивидуализации наказания устанавливается в зависимости от объективных и субъективных признаков преступления. Автором предложено внести рекомендации по учету степени общественной опасности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Ключевые слова: индивидуализация наказания, критерии индивидуализации наказания, характер общественной опасности, степень общественной опасности.

Individualization of Punishment Taking into Account the Nature and Degree of Public Danger

V. N. VORONIN, candidate of legal sciences
Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 125993
E-mail: voronin@zakon.ru

Part 3 of article 60 of the Criminal Code of the Russian Federation refers to the common criteria of individualization of punishment the nature and degree of public danger of committed crime in each criminal case. The purpose of this article is to analyze the legal practice of this provision, as well as the construction of clarification on the issue of taking into consideration the public danger, which will

* Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках проектной части государственного задания на выполнение НИР по проекту 1503.